

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Протасова Мария

(1793–1823)

Когда я был любим — тобою вдохновенный
Я пел, моя душа хвалой твоей жила.
Но я тобой забыт — погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

В. А. Жуковский

«С тех пор, как себя помнил, его сопровождала мечта о домашнем уюте и безмятежном сельском уединении. Страстное желание обрести тихое семейное счастье побуждало размышлять о будущем. Ему мнилось жизнь своим очагом, вдали от светской суеты, в напряженном труде и радостных заботах. Но на пути к земному раю (возможно ли такое?!) возникали многие препятствия. И вот уже вопреки жизнерадостному нраву его спутниками все чаще становились грусть и уныние».

Так писал о судьбе В. А. Жуковского наш современник Роман Белоусов.

История жизни Жуковского началась, по сути, в 1780 году, когда крепостные люди барина Бунина привезли в село Мишенское Белевского уезда Тульской губернии не военные трофеи, а двух диковатых красивых турчанок. Одной из них, Сальхе, было суждено стать матерью великого русского поэта.

Барин, правда, не дал сыну ни фамилии, ни отчества, и крестными его стали сестра по отцу Варенька да бедный сосед, дворянин Жуковский... Жена Бунина не только не возненавидела турчанку, но и (редкий случай!) относилась к ее сыну как к собственному ребенку. А Сальха так привязалась к Буниной, что заболела от горя и сошла в могилу через две недели после ее смерти.

Василий Андреевич еще в юности стал знаменитостью. Он всегда поступал так, как подсказывало ему сердце, — когда ему было грустно, писал печальные элегии. Будущие декабристы, уважавшие благородное сердце и глубокий ум поэта, звали его в свои тайные общества. Он отказывался, потому что не верил в целесообразность вооруженного переворота. Но когда восстание было подавлено, как никто из современников помог им, идя даже на абсолютно не свойственный ему обман в отношении государя.

Он был изящен и учтив, красив и ласков. Но несколько не стремился к светским удовольствиям и столь распространенным в то время любовным развлечениям. Что касается последних, то Василий Андреевич оказался почти монашески строг к самому себе.

Самая младшая дочь его отца, Катя Бунина, в замужестве Протасова, осталась вдовой, которой было не на что учить своих девочек. Жуковский стал их домашним воспитателем. И — не без взаимности — влюбился в одну из них, Машеньку. Она не была отмечена выдающейся красотой, но у всех, знавших Машу, осталось воспоминание о ней как об одной из замечательных женщин своего времени.

Прошло время, и Жуковский открылся своей сестре, Екатерине Афанасьевне: в письме попросил руки ее дочери. Но сестра, религиозные понятия которой доходили до фанатизма, решительно восстала против его намерений. Закон Божий запрещает брак между родными, твердила она, ссылаясь на Священное Писание.

Многочисленные родственники в основном испытывали сочувствие к страданиям влюбленных, предлагали им свое посредничество, но потом отступали перед сильным характером старшей Протасовой. У Василия Андреевича даже возник план обратиться за помощью к царскому семейству, но он вовремя отказался от этой затеи.

«Непреклонная Екатерина Афанасьевна имела характер суровый и достаточно властный, с твердыми представлениями о нравственных принципах, — пишет Р. Белоусов. — Об одном умолял он — позволить сохранить дружескую привязанность к Маше, быть

рядом, жить с ними одним домом. Екатерина Афанасьевна согласилась, не очень, правда, доверяя его словам.

А что же Маша? Как вела себя она? Какие чувства испытывала?

Благоразумная, послушная воле маменьки, она молилась за себя и Василия Андреевича, уверяясь в невозможности счастья с ним — ведь мать, ссылаясь на Бога и закон, установленный церковью, воспрещает ей помышлять об этом союзе. Любя маменьку и не смея огорчать ее, Маша искренне силилась побороть себя. Но в мыслях невольно возвращалась к милому Базилию, как иногда называла Василия Андреевича, думала о нем, жалела...

Под Новый год в Муратове собрались окрестная родня и соседи. Пожаловал до сих пор не бывавший здесь Александр Федорович Воейков, однокашник и приятель Жуковского. Приглашая его в Муратово, Жуковский прельщал беззаботной жизнью, обещал познакомить с милыми обитательницами, соблазнял разговорами о прошлом и желанием еще теснее сдружиться. Связывало их давнее знакомство, чуть ли не двадцатилетнее, можно сказать, приятельство, еще со времен обучения в Благородном пансионе Московского университета. А потом по литературному кружку, который собирался у Воейкова на Девичьем поле в ветхом домике с глухим садом... “В Жуковском обнял я утраченных друзей”, — напишет Воейков, покидая Муратово в конце января, довольный и не скрывающий надежды вновь посетить гостеприимный кров, на что у него имелись особые причины.

Не прошло и месяца, как поселился он сначала у Жуковского в Холхе, потом в Муратове, а всем уже было ясно, что этот тридцатилетний холостяк равнодушен к Александре Протасовой. Его ухаживания за Сашей делались все более явными, и мать с надеждой ожидала благополучного завершения столь неожиданно возникшего романа. Вопреки дошедшим до нее слухам о трудном характере Воейкова и неблагоприятном поведении (был отвержен вину, имел внебрачного ребенка) он казался ей идеальным женихом, и мечта выдать за него дочь ослепляла ее, незаметно подчиняя будущему зятю, его желаниям и даже капризам. Не ведая, она толкала дочь в бездну; Саше, покорной воле матери, ничего не оставалось, как безропотно склониться перед нею и принять предложение.

Свадьба была назначена на лето. Однако откладывалась из-за отсутствия порядочного приданого. Не раздумывая, Василий Андреевич продал свое имение и все вырученные деньги — 11 тысяч — отказал Саше. Венчание состоялось 14 июля.

Воейков, очень скоро вошедший в роль покровителя семьи, по-хозяйски распоряжался, во все вникая, вплоть до мелочей. И Екатерина Афанасьевна, еще недавно крутая и самовластная домоуправительница, с готовностью исполняла его указания».

За месяц, который родственники Жуковского и Воейков прожили без него в Германии, Александр Федорович успел подыскать Маше жениха и буквально навязывал ей партию с хорошо знакомым ему генералом Красовским. По сути дела, это было предательство дружбы — ведь он прекрасно знал о любви Василия Андреевича! Предательству этому способствовала сама ситуация: став хозяином в семье и единолично распоряжаясь доходами от Муратова, Воейков опасался осуществления планов Жуковского. Ведь если бы Василий Андреевич добился своего и свадьба его с Машей из мечты превратилась в реальность, владычеству Воейкова пришел бы конец.

«Неудача со сватовством Красовского обозлила Воейкова; обострив отношения с тещей, — Екатерина Афанасьевна впервые оказалась не на стороне зятя, — продолжает Р. Белоусов. — Потеряв над собой контроль, он показал истинный свой облик. Неожиданно последовало решение Екатерины Афанасьевны — для сохранения репутации Маши и его собственной Жуковскому надо оставить Дерпт.

С отъездом Жуковского жизнь в доме сделалась невыносимой. Воейкова ничто больше не сдерживало, и он превратился из опекуна семьи в настоящего тирана.

Без зазрения совести участвовал в ночных кутежах и попойках, жалованье пропивал, являлся домой пьяным, дебоширил, что приводило к семейным сценам. Тогда он запирали жену в ее комнате и никого к ней не пускал. Жизнь с ним под одной крышей превратилась в сущий ад. Маша мучилась вдвойне. И за себя, и за Сашу. Больше даже за сестру, ибо считала себя виновной в этом браке, переживая, что в свое время уговаривала ее выйти за Воейкова. Теперь ей казалось противоестественным, что этот грубый человек с малопривлекательной внешностью стал мужем существа неземного, сильфиды, умной, доброй, красивой их Сашеньки. В этом была какая-то злая ирония судьбы, и все, кому приходилось знать супругов, отмечали их абсолютную не только внутреннюю, но и внешнюю, бросающуюся в глаза несовместимость. Ни рождение ребенка, ни слезные мольбы жены не помогли переменить характер этого домашнего деспота, не утихомирили его нрав, не сделали добрее. В конце концов даже Екатерина Афанасьевна вынуждена была признать, что ошибалась в зяте».

В такое сложное время врач, профессор Мойер, пользовавший всю семью, сделал Машеньке предложение. Человек трезвого ума, он признавал ее право на платоническую любовь к Жуковскому. К тому же маменька уговаривала ее согласиться. Тиран Воейков, узнав об этом предложении, пришел в ярость. Он вновь начал мучить Машу придирками, проверял письма, доводил до слез, обещая оставить в покое, если она... пообещает не выходить замуж. Но, судя по всему, теперь уже Маша была непреклонной.

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденьи,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденья?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Нет, Машенька Протасова никогда не забывала Жуковского. Ни девочкой, боготворившей своего учителя, ни девушкой, окруженной поклонниками. Даже когда, спасаясь от Воейкова, вышла замуж за умного, порядочного, преданного ей, но нелюбимого человека...

«Венчание состоялось в Успенском соборе. Маша, бледная, трепеща и едва не падая от внезапной слабости, стояла перед наоном, и словно глас Божий доносились до нее слова торжественной молитвы. Василий Андреевич, напротив, был внешне спокоен, будто в нем произошел полный переворот и он подчинился судьбе.

После свадьбы Жуковский еще больше сошелся с Мойером, они стали «верными товарищами», у которых «общее дело» — счастье дорогой им женщины. Однако уже вскоре, к весне, начал испытывать тяжелую нравственную апатию, душевное состояние его ухудшилось.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?

Поэта пригласили учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне. Василий Андреевич оказался приближенным ко двору, о чем лично сам никогда не помышлял.

В надежде освободиться от роковой любви он не прочь связать себя узами Гименея. Если говорить о каком-то его увлечении в этот период, то следует назвать графиню С.А. Самойлову, хотя роман с ней был скоротечным и окончился ничем» (Р. Белоусов).

Что касается Машеньки, то она страстно любила поэта все годы своего брака. Достаточно почитать ее письма... А однажды призналась своей кузине Дуняше, что живет одним прошедшим, что жить ей осталось недолго и скоро ей придется огорчить своих близких смертью. А Керн вспоминала, что Маша — муза Жуковского, любила его, и «любовь эта, чистая и высокая, кажется, не угасла никогда». По ее словам, Маша уповала на детей, мечтая найти в них забвение, но, увы, своих у нее тогда еще не было.

Когда же на четвертом году замужества у нее родилась дочь Катенька, ей представлялось, что это награда за все испытания и печали.

Из письма Маши Жуковскому:

«Ангел мой Жуковский! Где же ты? Все сердце по тебе изныло. Ах, друг милый! Неужели ты не отгадываешь моего мученья? Бог знает, что бы дала за то, чтоб видеть одно слово, написанное твоей рукой, или знать, что ты не страдаешь. Ты мое первое счастье на свете. Катька мне дорога, мила, но не так, как ты. Теперь я это живо чувствую!..»

Ах, не обрекай меня! Это естественно, бояться до глупости, когда любишь так, как люблю тебя я. Брат мой! Твоя сестра желала бы отдать не только жизнь, но и дочь за то, чтоб знать, что ты ее еще не покинул на этом свете! Это горе превзошло бы все те несчастья, что я до сих пор вынесла».

Однако стоит признать: с весны 1817 года до марта 1823 любимый ею человек побывал в Дерпте всего шесть раз. Не так уж и много... Стараясь занять себя чем-то, Машенька участвовала в благотворительной деятельности мужа, не гнушалась никакой работой, в то же время оставаясь милой хозяйкой литературно-музыкального салона, где говорили по-русски и по-французски.

Весной 1818 года у Мойеров останавливались приятели Жуковского — Д. Блудов и Ф. Вигель. Последний много лет спустя написал в своих «Воспоминаниях»:

«Я не могу здесь умолчать о впечатлении, которое сделала на меня Марья Андреевна Мойер... Она была совсем не красавица, разбирая черты ее, я находил даже, что она более дурна; но во всем существе ее, в голосе, во взгляде было нечто неизъяснимо обворожительное... С большим умом и сведениями соединила она необыкновенную скромность и смирение. Начиная с ее имени все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно... Ну точно она была как будто не от мира сего...»

Вигель недоволен тем, что это совершенство «сделалось добычей» ученого немца, который хоть и старался, «но вряд ли смог ее осчастливить...»

Наступил 1823 год. В кругу многочисленных петербургских друзей Василий Андреевич отпраздновал свой сорокалетний юбилей. Отголоски сердечной драмы, отразившейся на всей любовной лирике поэта, окрасившей ее в трагические тона, все еще слышались в строках его элегий.

В эти дни на полях Машиных писем, в тетради для личных записей возникает один и тот же рисунок: одинокий крест над могильным холмом. Пройдет не так уж много дней, и Жуковский нарисует почти такой же кладбищенский пейзаж. Но он будет не вымышленным — карандаш запечатлеет свежую Машину могилу.

Она умерла тридцатилетней.

«...Последние дни ее были веселы и счастливы, — сообщал в одном из писем Жуковский. — Но не пережить родин своих было ей назначено, и ничто не должно было ее спасти. В субботу 17-го марта она почувствовала приближение решительной минуты. Ребенок родился мертвый, мальчик. Она потеряла память, пришла через несколько времени в себя; но силы истощились, и через полчаса все кончилось! Они все сидели подле нее, смотрели на ангельское спящее помолодевшее лицо, и никто не смел четыре часа признать, что она скончалась. Боже мой, а меня не было!»

От Маши он получил предсмертное письмо — последнее послание к нему, написанное в минуту предчувствия. В этом письме говорилось о вечной любви...

Сашенька умерла в тридцать восемь — пережив сестру на несколько лет. Жуковский взял на себя заботы о воспитании четверых ее детей. Память о Маше он хранил всю жизнь, воспевая свое чувство в нежных и меланхолических стихах. Вроде этих, написанных за восемь лет до ее гибели:

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Только когда Василию Андреевичу было уже около шестидесяти лет, он решился на женитьбу, став предметом пылкой привязанности восемнадцатилетней дочери своего

старого друга, немецкого художника Герхардта Рейтерна. Юная его невеста словно бы оживила образ давно умершей Маши...

Семейная жизнь поэта, к сожалению, была несчастливой: его экзальтированная жена, с юных лет имевшая неуравновешенную психику, много болела, подолгу не вставая с постели, но Василий Андреевич сносил эти испытания судьбы стоически. А его чувство к ней, по всей видимости, не содержало и сотой доли той огромной любви, что испытывал он когда-то к Машеньке Протасовой...